

Казаков М.А.,
кандидат философских наук, преподаватель
Национального технического университета Украины
«Киевского политехнического института им. Игоря Сикорского»

ПАРАДИГМА СПЕКУЛЯТИВНОГО РЕАЛИЗМА В ЭПИСТЕМОЛОГИИ

Аннотация. В статье рассматриваются следствия принятия онтологии спекулятивного реализма К. Мейясу для фундаментальных оснований эпистемологии, выстраиваемой на основании этой онтологической парадигмы. В первую очередь, изменения для реалистической эпистемологии касаются наиболее «релятивной» антропной ее составляющей, охватываемой такой подобластью, как социальная эпистемология. Демонстрируются изменения, которых требует для себя социальная эпистемология в свете установок спекулятивного реализма, выступающего новым относительно старых реалистических установок средством «концептуальной оптики» феноменов знания, познания и познающего субъекта.

Ключевые слова: объектно-ориентированная онтология, спекулятивный реализм, спекулятивный материализм, парадигма, эпистемология.

Спекулятивный реализм — философия с серьезными парадигматическими следствиями. Если для онтологии это — одно из конкурирующих в пределах онтологических исследований направлений, то, в качестве принятого, для сторонников или симпатизирующих СР, принятие этой парадигмы становится концептуально-теоретическими «очками», через которые должны восприниматься и другие подобласти философии и философские дисциплины. Наиболее серьезными следствиями после онтологических и антропологических являются в этом смысле следствия эпистемологические, в частности — социальная эпистемология, включающая в сферу знания о знании также антропологию, соотношенность антропологического с эпистемическим и логико-эпистемологическим.

Центральное положение СР гласит: корреляция «бытие — мышление», где под мышлением понимается нейрофизиологический процесс в мозгу представителя вида «человек», не является ни необходимой для самого бытия, ни необходимой с точки зрения исхода бытия через сущее (его про-истекания), ни эксклюзивной, ни сосуществующей со Вселенной диахронически. С одной стороны, прав Хайдеггер (см. его «Парменид» [3]), для которого современная наука не мыслит бытие, мысля лишь сущее, «повседневный» мир известного и неизвестного науке (мыслящему

наблюдателю), данного в множествах вещей («малых сущих») и отношений между ними. Все это — такие же корреляты бытия, как и сам человек с его мышлением, но не само бытие — в лучшем случае, можно называть это все «манифестациями» бытия. Бытие же — суть коренящееся в самом способе существования вещей, в самой природе как того, что нечто Есть как Нечто, так и того, что сами *способы того, что делает существование Нечто возможным, приводя его к реальному (фактуальному) существованию*, существуют и как они существуют для себя. Однако, Хайдеггер в целом не освобождается из плена «корреляционизма», парадигмы эпистемологического дуализма, заданной Кантом.

В посткритический период наблюдается два типа преодоления дуальности вещи как «в себе» и «для нас»: либо возврат к догматизму до Канта (у Гегеля), либо попытки «смягчить» следствия принятия кантовского разделения — начиная с фаллибилизма и дефляционистской теории истины, заканчивая Хайдеггером, предлагающим концепт «со-принадлежности» (человек принадлежит Бытию, а Бытие — человеку в том смысле, в каком вообще может нечто чему-то принадлежать). Хайдеггерианскую попытку уничтожения посткритического корреляционизма радикализирует и преобразовывает один из его последователей, К.-О. Апель, выдвигая тезис о несводимости сущего «вообще» к бытию. Всякая мыслимая и возможная-быть-помысленной редукция необходимо является онтико-онтической, т.е., отсылает одно сущее к другому сущему. Сказать: «В качестве основания **X** выступает **Y**», - **означает лишь указать** на то, что основанием **X** следует полагать **Y**. Какова бы ни была глубина такого основания, ни одно из оснований других сущих *само по себе не отсылает к Изначальности, Истоку, Окончателюности*. Таким образом, никакая глубина из зафиксированных подобным образом оснований никогда не мыслится и не может постулироваться в качестве окончательной и абсолютной глубины. Не существует никакого логического, эпистемологического или онтологического аргумента в пользу того, что это и только это сущее следует полагать уже-безосновным, таким, что лишено своего собственного основания на очередном

фундирующем «подуровне» бытия. Изначальность как факт обосновывается ее контингентностью: нечто существующее имеет определенное начало, вызывающее к существованию через депотенцирование неkontингентного и актуализацию виртуальностей.

И все же, Изначальность не мыслима и, по Хайдеггеру, даже не может быть помыслена мышлением, находящимся всегда в сфере «подручного» как уже-наличного в горизонте человеческого существования, либо как еще неизвестного, но контингентно возможного в качестве бытия-наличным. Иными словами, мышление всегда выступает коррелятом по отношению к другим коррелятам, но не к абсолютному условию существования самой возможности такой корреляции и всех коррелятов-членов отношения корреляции. Это условие — собственно, бытие, являющееся *сущностно без-основным*. Такую его изначальноность можно принимать, лишь отказавшись от принципа достаточного основания на уровне онтологии, что и делает основатель СР К. Мейясу. Согласно ему, сам факт существования мира выступает следствием существования условий его существования, а так-данность вещей в мире равным образом возможна и как данность иным образом или как полное не-существование. Валидным здесь остается лишь принцип непротиворечивости: либо А есть, либо А нет, и, если не-А, то либо некое Х, либо Ничего. Однако, Ничего нетождественно необходимому Нолю: как А, так и любое Х способны возникать в силу контингентной природы самого отсутствия. Мышление человека — одно из подобных явлений, возникших, вопреки сторонникам сильного антропного принципа, не из-за «сопринадлежности» и не в связи с необходимостью для самой Вселенной «иметь наблюдателя». Мир существует до возникновения известных нам коррелятов отношений «мышление — бытие» и даже их прото-коррелятов, и будет существовать после их исчезновения. Бытие — основа всякого сущего и Сущего вообще, самой природы присутствия в мире и мира, как бы мы ни мыслили его, однако, в основу оно всегда кладется лишь формально. Его «свойства в целом» мыслятся только через вещи, данные в сущем, и отношения между ними, но сами сущие, будучи коррелятами глобального отношения «сущее — бытие» не дают нам сказать ничего о бытии как основании. Потому-то оно одновременно и существо всякого основания, и немислимо принципиально, без-основно, причина, которую, ввиду занятости концепта «формальная причина», можно назвать «контингентной причиной».

Сущее относится к Бытию так, как Хаос (Все) относится к Космосу (не-Всему). Порядок кос-

мического следует мыслить не как реализацию одной из нескольких подсчитанных возможностей реализации, а как случайность, «бросок костей» Темного Предшественника (один из глубоко истинных эпитетов в адрес бытия у Делеза) с неизвестным количеством граней у костей и самого их количества. Нам неизвестно число возможных результатов, а догадываемся мы лишь (и то — догадываемся, но не можем однозначно утверждать) о нескольких возможных вариантах, которые, как кажется, скорее всего, могли бы также быть. Можно сказать так: в качестве возможностей реализации сущего мышление рассматривает модусы множества P как совокупность элементов $[a_1, \dots, a_n]$, полагая крайние элементы исчерпывающими и приписывая каждому элементу кванторы всеобщности: $(\forall a)P_{[a_1, \dots, a_n]}(a)$: «Всякому a присуще обладать определенными атрибутами, присущими элементам, входящим в множество $[a_1, \dots, a_n]$ » или, определяя через негативность: «Ни один предикат ' a ' не является таким, что не входит в предикаты, предцируемые элементам множества $[a_1, \dots, a_n]$ ».

Существуют ли *truth-conditionals* такого утверждения? Безусловно: высказывание $(\forall a)P_{[a_1, \dots, a_n]}(a)$ истинно, если и только если множество $[a_1, \dots, a_n]$ включает все возможности действительного, независимо от их представленности в сущем и способностей репрезентации в человеческом мышлении. То есть, представления в ограниченной форме корреляции «бытие — мышление» должны сущностно совпасть со всеми возможностями условия всякого мышления и любой о-ограниченности вещей в Космосе фактуально. Оснований для того, чтобы заключить в пользу такого признания хотя бы с той же эпистемической ценностью, каковой обладает теория суперструн в современной физике, мы не имеем. Для теории суперструн мы имеем *хотя бы* виртуальную предпосылку в математической модели. Для «вердикта» о конечности (о-конечности) Хаоса мы таких оснований не имеем. «...Возможное, коим является Хаос — который и есть единственное «в-себе» - действительно способно не позволить измерить себя никаким числом, конечным или бесконечным. Эта сверх-необъятность хаотического виртуального и есть то, что обеспечивает безупречную стабильность видимого мира» [1, с. 165], - пишет Мейясу по этому поводу. Гораздо больше смысла представить $[a_1, \dots, a_n]$ как всего лишь упорядоченные члены невыразимого нумерически трансфинитного числа реально наличных возможностей бытия и сущего быть. Достоверны лишь конечные порядковые числа 0 («не бытийствует»), 1 («бытийствует как Х»), 2 («может бытийствовать как Y»), и здесь сфера «точных»

нумерических заключений исчезает, вместе с упорядоченностью всех возможных элементов друг по отношению к другу.

Последнее, грубо говоря, представимо следующим образом. Пусть мы имеем некое множество, в котором два кардинальных числа w^{a^1} и w^{a^n} следуют друг за другом. Пускай, таким образом, все возможности представимы последовательностью типа: $0, 1, 2, \dots, w, w + 1, \dots, w^{a^1}, w^{a^n}, \dots, w^w, \dots, \epsilon_0, \dots$ и т.д. Подобная упорядоченность необходимо является корреляцией между онтическими модальностями, устанавливаемой в процессе другой корреляции — «мышление — бытие», согласно отношению мышления к бытию (в этом вот модусе k -ности). Что служит обоснованием того, почему порядок таков, почему 'a₂ R a₃' эквивалентно '1 R 2' или почему, скажем, некое a_a относится к a_p пропорционально, как 1 : 2 (и числовое значение $a_p = 2a_a$). Предположим, в пользу этого отношения говорит сущностное тождество двух модальностей, степень различия *между* которыми составляет всего 0,0000001 неких *условных единиц измерения* различия и тождества между модальностями бытия. И все же, само наличие существования «между» для двух возможностей необходимо при-мысливается, до-мысливается извне. «Между» - это еще не посредник, переносящий одну презентацию к другой: посредник — мыслящий разум, изобретающий отношение «между» для двух вещей, которые относятся к четвертой «вещи» - Космосу, как виртуальное к фактуальному. Таким же искусственным образованием является и степень различия, и ее материальное выражение, и ее числовой эквивалент-репрезентант.

Короче говоря, ничего из того, что приписывается в качестве причины существования во всем множестве M онтических модальностей упорядоченности, предцизируемой элементам M мышлением, не может обосновать эту и никакую иную упорядоченность. Мы *можем* правильно заключать о порядке следования некоторых элементов от общего числа виртуальностей Хаоса, но не имеем «внешних миров» в поддержку этой теории. Все начинает выглядеть так, будто мы застряли на тезисе раннего Витгенштейна: «Мир — все то, что имеет место». Однако, никто так и не возразил этому тезису должным образом, доказав, что мир необходимо есть «где-то еще». И все же, в отличие от Витгенштейна, СР допускает бесконечное (нумерически) количество того, как все то, что имеет место, может иметь это место. И эта бесконечность предпослана всякой определенности присутствия мира и v -мире. «Абсолютное» немыслимо, поскольку мыслимое — необходимо «Кое Что», но не Все, что есть и как оно есть.

Сказанное до этого момента относится лишь ко второму из двух положений СР, выдвигаемых Мейясу относительно его проекта материалистической онтологии: «Материализм, который хочет быть спекулятивным — то есть сделать особый тип *сущего без мышления* абсолютной реальностью — должен утверждать *и* что мышление не является необходимым (нечто может быть без мышления), *и* что мышление может мыслить то, что должно было бы быть, если бы не было мышления. Материализм, если он идет по спекулятивному пути, обязан верить, что возможно мыслить данную реальность, абстрагируясь от того факта, что мы ее мыслим» [1, с. 48].

Второе положение, собственно, и является «эпистемологическим»: знание о знании может быть теорией знания, которое достоверно и необходимо и при отсутствии *возможности существования феномена «знания» вообще*. Нечто должно позволять нам возможность заключать хотя бы о том, почему Нечто есть X -образом, почему оно не есть Y -образом и **каким оно было до X -бытийности**. Материалистическая теория не может отказаться от критерия истинности и теории познания, однако, принимая парадигму СР, она нуждается в новых утверждениях в поддержку «ядра» парадигмы. Мейясу предлагает в качестве таких утверждений рассматривать область «доисторического» и истинные высказывания, порождаемые о ней наукой. Доисторическое — область сущего, которая предшествовала во времени-пространстве появлению на Земле форм жизни, способных выступить в качестве наблюдателей. Истинное знание о доисторическом необходимо зависит от определенного класса материальных носителей — археископаемых (ископаемой материи), представляющих собой «материалы, которые указывают на существование древней реальности, или событий, предшествовавших жизни на Земле. Археископаемое означает материальный носитель, на базе которого производятся опыты, позволяющие оценить доисторические феномены — например, изотоп, скорость радиоактивного распада которого мы знаем, или излучение звезды, которое может дать сведения о дате ее образования» [1, с. 19]. Все, что есть, есть материально, и все, что является знанием о том, что есть, производно от «материальности» сущего вообще, каждый раз представляя нумерически неисчислимую серию возможных и актуально произведенных дискурсами выражений. Что же является критерием истинности коррелятов «высказывания о сущем» в отношении самого сущего? Ответ СР: таковы высказывания математического языка, обезличенного и формализованного, мыслимые как предельное де-субъективированное отношение субъекта к

тому, що «вырезано» им из бытия как «объект» (некое о-единичное и ограниченное «вот-вещностью» сущее). Математические средства выражения сущностно «без-основны»: не существует «другой математики» потенциальных пришельцев с других планет, которые, при условии, что натуральное число как понятие сохраняет свое содержание, не заключат в пользу истинности $2 \times 2 = 4$. Если аксиоматика и алгоритмы формально непротиворечивы, то они совпадают не «в любой точке Вселенной», как привыкли говорить, но «для любого мышления-коррелята». Инопланетная математика, содержащая потенциально отсутствующие у нас математические объекты, будет подчиняться все тому же принципу непротиворечивости (со всеми оговорками, принимаемыми относительно сущности противоречия в диалектике). И в данном случае, речь идет не об условиях, но и без-условности как об условии «объективной истины». Математические выражения «без-основны» в том смысле, что их основой выступают они сами в определенном друг к другу отношении — отношении непротиворечивости. Таким образом, математика — область без-основного, которой способен оперировать мыслящий, конечный, ограниченный, имеющий конкретные основания в сущем (этом конкретном сущем) разум. Сущностная без-основность математики имеет следствием также положение о том, что она «антропна» акцидентально, а не по необходимости. Для всякого же знания о мире она без-основно истинна, поскольку это — единственный случай, когда понятие истины может рассматриваться на уровне *межвидовых* критериев. Тогда «Истинно» на самом деле означает: (Т) «Истинно для всех видов мыслящих коррелятов в сущем и соответствует выражению, все референтные части которого отсылают к сущим, которые все виды мыслящих коррелятов как-либо презентуют, исключая различия в опытах взаимодействия и восприятия».

Если мы принимаем (Т), необходимо принять и следующие «сильные» тезисы:

(1) Не существует никаких «в себе» и «для нас» свойств вещи, в которых «в себе» были бы свойствами, «принципиально невыражаемыми» математикой, а «для нас» находились бы за пределами корреляции «мышление — бытие».

(2) Истина не только интерсубъективна — она может быть объективной. В частности, она такова, если Р в выражении 'Р — истина об X' принимается всеми видами мыслящих коррелятов.

(3) Принятие выражения 'Р — истина об X' в (2) означает, что в этом случае, слово «истина» как предикат Р будет выполнением *всех возможных* модальностей существования истины. Каковы бы ни были средства получения информации, сред-

ства фиксации, системы доказательств, средства выражения — если сама вещь X отражена в Р так, что, независимо от значений и при условии возможности перевода значений на видовом уровне, это отражение признается каждым видом, истинностные значения для Р(X) можно считать полностью перечисленными, исчерпанными, ведь в доисторическом нет никаких «дополнительных» мышлению коррелятов-аналогов истины. Истина — не независимое положение дел «в себе», а лишь определенное отношение к такому положению дел в одном сущем со стороны другого сущего. Более конкретно, это отношение в мышлении, представленное категорией «видового понятия».

(4) «Математичность» отношений охватывает всю онтологию современной науки: языки и сами знания в физических, биологических, химических, археологических, палеонтологических, геологических, технических, астрофизических и др., вплоть до компьютерных и логических наук, необходимо: (4.1) основываются на ограниченном количестве математических выражений, фундирующих всю теорию (напр., фундаментальные взаимодействия в физике); (4.2.) строятся по принципу математических выражений (условно говоря, химическое уравнение — это арифметические действия между переменными, значения которых и действия над которыми подвержены «другой» (относительно арифметики) аксиоматике); (4.3.) необходимо соответствуют законам мышления формальной логики, в противном случае, не выражаясь *вообще*. (4.2.) не является обязательным для всех математических выражений науки, два других — необходимы, составляя саму сущность понятий «знание», «язык», «истина».

(5) Объективные свойства вещей — контингентные во всех смыслах свойства, присущие этим вещам и при отсутствии любых коррелятивных отношений. Они проявлены в вещах вне непосредственного взаимодействия, «вызывающего» эти свойства, «поставляя» их перед нами. Это то, что присуще вещи вообще и делает возможными другие, производные от них свойства, выявляемые уже исключительно благодаря взаимодействию — влиянию на объект тем или иным образом, присваиванию, владению и орудованию им. Эти объективные свойства — *первичные* свойства вещи, в то время как производные в ходе отношений с коррелятом свойства, не выявляемые вне этой связи и присутствующие без нее всегда лишь исключительно виртуальные, соответственно — *вторичные* свойства вещи.

(Т) будет иметь отношение исключительно к сущим, отдельным его проявлениям, отношениям между такими проявлениями, но никогда не будет реферировать к «собственно отсутствующему»

для коррелятов мышления любого вида в отношении к бытию. Оно уже мыслится как некое отсутствие, выказывающее себя через присутствия всех сущих. Спекулятивный реализм настаивает на том, что объективное знание *достижимо* благодаря своего рода спасительному отсутствию, налагающему «печать сокрытия» на бытие вообще. Следовательно, объективное — это всегда нечто сказанное субъектом *о сущем*, выстраивающим, таким образом, коррелят субъект-объектных отношений. С учетом всего сказанного, уместно предложить следующее определение: *объективно истинным знанием* является знание определенного мыслящего коррелята первичных свойств некоторых других сущих, среди которых этот мыслящий коррелят пребывает, таким образом, что пропозициональное содержание знания, независимо от способа выражения, в том виде, в которой этот способ выражения понимается как «работающий» (корректный), соответствует первичным свойствам сущего, относительно которого пытается мыслить субъект.

Данное определение вместе с (Т) и следствиями являются высказываниями, относящимися к дискурсу эпистемологии, онтологические (метафизические, герменевтические) постулаты которой будут апеллировать к спекулятивно-материалистической онтологии. Однако, в рамках самой парадигмы необходимо мыслить не только корреляцию или антиномию коррелятов, но также иметь возможность помыслить о каждом из них по отдельности. В случае с познавательным отношением коррелята-субъекта, мы, собственно, должны прибегнуть к исследованию в пределах социальной эпистемологии, являющейся метатеоретическим знанием обо всех компонентах знания, познания и теории истины, которые относятся к «социальным» составляющим этих явлений. В парадигме СР, *социальное вообще* можно определить аналитически как: то, что имеет место между представителями вида, способного на интенционально и телеологически «окрашенную» деятельность. Производство знания, безусловно, само по себе является социальным, intersubjectивным процессом, имеющим дело с сокрытым, устремленным к нехватке — тому, чего не дано, что не является «освященным», «раскрытым», «не-сокрытым» и т.д., - из этого положения исходит любая теория познания, включая антиреалистические эпистемологии. Это, однако, не ведет к заключению о «необходимости» или даже о возможности включить в сферу социального все познание и изучать «каждый его элемент» по отдельности. Отличия между идеографическим и номотетическим знанием, между наукой, поэзией, мифологией, обыденно-практическим знанием и др.

весьма велики, и данные предикаты для самого знания являются не «вторичными» свойствами, но свойствами суждений, претендующих на звание с точки зрения их «первичности-как-истинностного значения». Онтология знания — это его соотнесенность с областями сокрытого / не-сокрытого, а это, в свою очередь, возвращает к необходимости полагать в качестве ядра теории истины и содержание (фактуальное) высказываний, рассматриваемых в качестве того или иного знания. Это ядро — объективно, в то время как социальное по необходимости intersubjectивно. Это, условно говоря, «сама intersubjectивность», ведь «в широком смысле» выше оно было определено именно как «имеющее место между», а «иметь место между» могут либо — неиндексируемым образом — вещи, либо — реальным образом — мыслящие субъекты. Субъекты буквально, следуя Витгенштейновскому «словарю», «имеют место» между собой, друг между другом. Это не только метафорически понимаемое, но и буквально физическое пространство, топос, образуемый различием двух сущих как двух экземплярификатов вида.

И все же, формальная общность по такому предикату не является удовлетворительной для определения того, что необходимо полагать в качестве социальных компонентов научного знания. Социальная эпистемология, рассматривающая проблему познания как проблему корреляции, в первую очередь, как мне кажется, должна исходить из того, каковы непосредственные отношения между двумя сторонами корреляции. Отношения в контексте эпистемологии в данном случае могут быть: (а) комплементарными: взаимное дополнение, такое как, к примеру, в ходе продуктивной коммуникации специалистов по тому или иному исследуемому вопросу, социологического опроса и других видов социальных исследований; (б) иерархическими: тот или иной коррелят под-лежит или над-лежит над другими (это могут быть предписывающие отношения власти, прескриптивное знание специалистов, дескриптивное знание, представляющее неистинную картину с целью ввести другого члена корреляции, не обладающего этим знанием, в заблуждение и т.д.); (в) отношения обмена (одна часть целостного знания в обмен на другой его фрагмент, где каждым из фрагментов обладает та или иная группа носителей знания / субъектов высказывания); (г) клиентно-ориентированные отношения: особая форма иерархизации, которую уместно выделить следующей особенностью — производимое в пределах таких отношений знание является как бы «дважды детерминированным» со стороны мыслящих коррелятов. С одной стороны, это «заказчик» в лице государства, частной компании или частного лица, инициирующий

исследование по определенной конкретной тематике, выделяя на такое исследование денежные средства или попросту направляющий вектор исследований, исходя из властных полномочий. Соответственно, есть и исполнитель, отделенный от заказчика и подлежащий в своих действиях, как минимум в определенной мере, границам, которые задаются заказчиком.

Определение модели отношений (является ли это (а)-(г) или некий промежуточный, дополнительный и др. тип) возможно лишь после того, как будут прояснены первичные свойства субъекта, что достижимо путем следующего рода вопрошания относительно природы субъекта:

1а. Каков субъект высказывания и производства знания в количественном аспекте: индивид, коллектив (сообщество) или сборка, состоящая из нескольких коллективов?

2а. В случае, если коллективов несколько, существуют ли внутренние отношения между ними или же все они одно-однозначно и тождественным образом относятся к объекту?

3а. Какова п-арность непрямых корреляций с объектом на стороне коррелирующего субъекта и имеется ли такая?

4а. Каково изначальное количество субъектов, признающих предлагаемое знание истинным (естественно, за вычетом тех, кто произвел это знание)?

5а. Имеются ли сомневающиеся в его истинности, и, если да, то каков их профессиональный уровень для высказывания подобной оценки?

Ответы на данные вопросы позволят нам, ознакомившись с первичными свойствами субъекта, прийти к выводам о наличии отношений, каждое из которых может быть как конструирующим, так и деформирующим по отношению к истине. Отсюда — вопросы, которые необходимо было бы задать в контексте вопроса об истине, а именно:

1б. Каково изначальное количество критикующих возникшее знание и выдвигающих аргументы относительно истинности кардинально иного положения дел?

2б. Насколько ликвидны эти аргументы качественно и формально в сравнении с аргументами в пользу полагаемого знания?

Эти вопросы были отделены, так как не входят в пределы проблемы «анализа отношений» между коррелятами познавательной активности. Однако же, и они не являются исчерпывающе предельными. Невозможно из знания о субъекте, вопрошая к которому мы определим его первичные свойства, оценить достоверность и истинность социальных составляющих той или иной эпистемической единицы, не исследовав предварительно *формальные первичные свойства* объекта, т.е., те свойства,

которые являются объективными доопытно, в силу предварительной заданности условий познания, целей и герменевтических установок, в пределах которых истолковывается «вещь как объект познания», выстраиваются операциональные процедуры, методологические и логические критерии, выбираются данные, в которых будет измерен объект исследований или будут переданы какие-либо другие данные о нем (в последнем случае, речь идет о выборе своего рода «меры», качественно-количественных параметров как *параметров вообще* в качестве средств выражения этого-вот исследуемого объекта).

Для узнавания или как минимум предположения касательно «априорных свойств» исследуемых объектов, уместной была бы постановка следующих вопросов:

1с. Какова природа объекта относительно «мирности»: микромир, макромир или «мир средних размерностей» (мезокосм)?

2с. Какова сущностная природа объекта: неживая природа, живая-несоциальная, живая-социальная, синтез живого и неживого?

3с. Насколько допустимы личностные (субъективные) импликации в сам исследуемый объект и каков характер таких импликаций для данного объекта *и* в данном знании?

В третьем случае, речь о том, насколько сам исследуемый объект, во-первых, создавался непосредственно субъектом или конкретным ограниченным числом этих субъектов, во-вторых, о том, насколько легитимны субъективистские (политические, религиозные, эстетические и другие) импликации в знание об этом объекте, такое, чтобы корреляцию этого-вот познающего субъекта с этим-вот объектом можно было бы назвать «успешной». Безусловно, в силу разности объектов и разности джастификационных и верификационных критериев в разных науках, различия будет и строгость требований подобного рода, и степень вероятной достоверности (никогда, естественно, не равняющаяся «1»), и пространство для контингентности: в одних случаях, ученые, располагающие объективным количеством знаний о макрочастицах будут выдвигать относительно них довольно узкую область контингентности, чем, если бы речь шла о литературно-философском анализе поэзии Малларме, где количество интерпретаций со стороны одного субъекта, пусть и ограничена средствами выражения, в целом является потенциально неограничиваемой.

Ответы на все три блока вышеперечисленных вопросов не дадут нам возможность высчитать вероятность истинности самого по себе знания, однако, это и не является целью социальной эпистемологии. Последняя исследует механизмы

конструирования знания, предварительные условия для такого конструирования, способы корреляции мышления с бытием в случае, если мышление находится в модусе познания в отношении бытия. Ответы на вопросы (1а)-(3а) наиболее успешнее всего можно было бы получить, применив методологию акторно-сетевой теории, рассматривая все диадические отношения «элемент — элемент» как звенья единой сети акторов. Данная сеть сущностно гетерогенно, поскольку уровни приложения сил и типы отношений в каждой диаде абсолютно произвольны: актор А может относиться к актору В посредством R, однако, X к А, а В к С, соответственно, могут относиться посредством S и T, которые не выводятся дедуктивно необходимым образом из R. Безусловно, серия возможных отношений не может быть абсолютно произвольной, превышающей возможности отношений в принципе, однако, ее размер в принципе не поддается калькуляции с необходимостью. В подобную полиадическую модель также можно включать дополнительные не-человеческие акторы, существенные для социальной эпистемологии — социальные объекты, т.е. объекты, не существующие в неживой природе вне мыслящего-действующего агента, создающего их и придающего им определенный прибавочный функциональный и / или структурный / семантический смыслы. В одном исследовании, в модель репрезентации будут включены всего лишь лабораторные халаты и химические реактивы, в другом — ускорители частиц или даже их детали, если те, к примеру, собирались разными командами исследователей (и необходимо отдельно репрезентовать отношения: «команда X — деталь X» и др.).

В поиске ответов на вопросы (4а) и (5а) фактически необходимо установить степень пролиферации знаний относительно объекта: каковы эпистемические области (наука, литература, религия, искусство, мифология); насколько полным считается текущий уровень знаний об объекте (отсутствует, недостаточен, неполон, однако существует, полон, считается полным и т.д. — все эти оценки возможны лишь через исследование социальных составляющих познавательной активности и «циркуляции» определенных знаний и дискурсивных формаций в том или ином обществе); есть ли более менее проверенные теории и гипотезы; сколько теорий / гипотез заслуживает доверия и каких групп; каковы наиболее серьезные претенденты на объективность, а значит — и на оспаривание истинности знания, с которым сравниваются «контр-идеи». Как показывает Фейерабенд [2, с. 51-63], введший концепт «пролиферации» в эпистемологию, группа ученых изначально может вызывать чрезмерные подозрения или чрезмерное

доверие к себе, что может в результате повлиять на создание / отказ от создания той или иной теории / гипотезы; идея также может восприниматься как контринтуитивная («выглядящая» ложной) с точки зрения здравого смысла, и то, насколько идея будет противоречить здравому смыслу — безусловно, аспект, проливающий свет на взаимоотношения мыслящего-как-познающего и мыслящего-как-существующего-в-обыденности. Последний контекст, более широкий по охвату субъектов, может привести как к продуктивным результатам, так и к ложным идеям, полагаемых в качестве истин исключительно в связи с когнитивной деформацией информации о сущем в здравом смысле. Таким образом, при исследовании априорных сущностных свойств субъекта, «эпистемологический анархизм» может быть использован как методологическая парадигма, включаясь в более широкий парадигмальный контекст СР. Исследование пролиферации, наряду с сравнительным анализом, целью которого является установление несоизмеримости между альтернативными теориями (друг по отношению к другу) и новым возникшим знанием. Последнего можно достичь путем разбиения репрезентаций теорий T и T* в логико-семантическом анализе на языки L и L*, с целью установить отношения эквиваленции ключевых концептов и сингулярных высказываний или указать на отсутствие некоторых из них (я принимаю тезис о невозможности так называемой «сильной» несоизмеримости, в которой теории вообще непереводимы одна в другую — мне кажется, в подобном случае, эти две теории никак не соприкасаются и непереводимы исключительно в связи со своим содержанием — как, к примеру, сравнивая географию с теорией в неорганической химии). Установив степени сходства, несоизмеримость, а также прибегнув к поиску пролифераций, получим модель, в которой новая теория T будет соотнесена со множеством $[T_1, \dots, T_n]$, а язык T — L — со множеством языков $[L_1, \dots, L_n]$. Первое отношение (T : $[T_1, \dots, T_n]$) в качестве содержания должно дать нам степень сходства на уровне собственно значения терминов в языке, к примеру, установление или опровержение того, что: $((t_1^{(T1)} \rightarrow m) \& (t_2^{(T2)} \rightarrow m^*) \& (m \equiv m^*)) \rightarrow [(\exists m)(m \rightarrow (t_1^{(T1)} \equiv t_2^{(T2)}))]$. Второе отношение предоставляет возможность выразить знание о том или ином объекте или поименовать сам объект в той или иной теории и другие аспекты, связанные с выражением знаний об объекте. Логико-семантический анализ позволяет также буквально установить одно-однозначные отношения между ядерными («цементирующими») компонентами-концептами теории, указав причины несоизмеримости некоторых понятий

(если таковые зафиксированы) на «метаязыке» сопоставляющего исследования. Одно-однозначные отношения семантической эквиваленции можно представить как: $(I_1^{L_2} S.E. I_{107277}^{L_{80}})$: «предложение I_1 из языка L_2 семантически эквивалентно предложению I_{107277} из языка L_{80} » и т.д. При отсутствии эквивалента, достаточно указать на не-включенность сравниваемого элемента со сравниваемым языком.

Роль вопросов «группы с», исходя из сказанного выше становится в целом более или менее понятной: для (1с) — установление приблизительного отношения исследуемого объекта с социальной реальностью как таковой и жизненным миром человека «вообще». То же касается и (2с), где ответом на вопрос будут методы познания, то есть, конкретные пути достижения истины: их область применения, их точность, надежность, статус в науке в целом (или другой области знаний) и в анализируемой дисциплине в частности. (3с) — процесс сопоставления «действительного с должным» по принципу «гильотины Юма». Необходимо установить «общее» значение для меры допустимости субъективных истолкований и импликаций в исследовании и соотнести его с экземплифицированным. Это может быть процентное изменение («п % текста должно быть собственной точкой зрения автора») или указание на допущение конкретных субъективных компонентов (к примеру, оригинальный текст исследования, сохраняющий определенное, «предписанное сверху» название — тему исследования и т.д.). Это также может быть изначальная прескрипция: «говорить только личное мнение, не опираясь на уже известное всем знание об этом тексте и из него» или же полный запрет на подобный произвол. Сюда же, как мне кажется, возможно прибавить фактуальное содержание герменевтических критериев, обосновывающих такой-вот (и никакой другой) характер исследования.

Здесь выводы о первичных свойствах априори могут приобретать, к примеру, следующий вид: в (1а) наиболее точной аппроксимации для сознания будут поддаваться объекты мезокосма, поскольку они соразмерны мыслящему корреляту. Для микро- и макромира следует необходимо вывод об n -арности отношений ($n > 2$) при том, что сами отношения всегда суть (γ) -отношения.

При всем этом, важно также подчеркнуть необходимость отказа от релятивизма, издавна присущего социальной эпистемологии ввиду ее генетической связи с социологией науки, в которой релятивистские тенденции традиционно сильны (проистекая из социального конструкционизма и т.н. «сильной программы») в социологии науки. Спекулятивный поворот означает спекулятивную

ориентированность вместо релятивистской. Это означает, что каждый акт познания социальных элементов эпистемических единиц предусматривает четкую фиксацию, разграничение областей возможного и контингентного. Так, допуская контингентность существования «абсолютно любого» положения дел в Социальном (и здесь СР идет дальше релятивизма), необходимое и возможное ограничиваются всеми теми допущениями, которые проистекают из результатов познания. Допуская, к примеру, что исследование X могло быть выполнено учеными и без материального вознаграждения в обществе, в котором материальное вознаграждение как таковое отсутствует, сообразно внешним реалиям капиталистического общества, полагать стоит лишь то, что X либо выполняется благодаря финансированию, которое, в свою очередь, возможно лишь при заинтересованности субъекта финансирования, либо не выполняется в силу отсутствия финансирования, либо не выполняется в силу невозможности достижения желаемого результата, несмотря на финансирование. Однако, выполнимость X без финансирования в данном случае не должна рассматриваться в качестве возможной, а этика ученых в гипотетическом обществе не должна сравниваться или приводиться в качестве образца несуществующей «парадигмы» (этика науки в целом — поле исследований, отличное от социальной эпистемологии).

«Релятивность» социальных составляющих знания часто обосновывается — не без определенных оснований — психологическими составляющими. Однако, психология познания, на мой взгляд, должна рассматриваться как область нетождественная области социальной эпистемологии. Во-первых, индивидуально-психическое нетождественно содержанию, входящему в состав того, что положено в качестве истинного знания: оно содержит лишь контингентные объективные истины. Во-вторых, независимо от психических факторов и, конкретно, ментальных состояний, объективная истина представляет собой одно-единственное содержание ментального состояния, выражающее одну для всех сознаний объективность, в связи с чем индивидуально-психическое, равно как и молекулярно-психическое (структурное — коллектив, общество и т.д.) не должно браться в расчет. Если фактуальному знанию F соответствует из всего перечня ментальных состояний $[m_1; m_n]$ исключительно подмножество ментальных состояний $[m_{70}; m_{92}]$, субъекты, имеющие относительно объекта O то, что они полагают за F , в качестве содержания этого F , к примеру, состояния (m_1, m_7, m_{67}) , мыслят не F , а признание ими этих состояний в качестве ошибочных никоим образом не предусматривает истинной коррекции. Пускай

m_{67} и может привести к выводам по аналогии или эвристическому познанию, результатом которого станут (m_{70} , m_{72} , m_{73} , m_{80} , m_{92}), состояния m_1 и m_7 в качестве предполагаемых следствий могут иметь совершенно другие ментальные состояния, которые, опять же, вместо F будут вести к некоему не-F. **Ложное знание, считает спекулятивный реалист**, лишь по возможности, но не необходимым образом влечет за собой «работу над ошибками», имеющую следствием объективное знание, соответствующее положению дел в каком бы то ни было смысле. «Реалиями» достижения объективного знания являются факторы, которые лишь в совокупности условий выполнимости и при фактической выполнимости этих условий превращаются в конъюнкцию, дающую прихождение к объективности. Ментальные же состояния, равно как и социальное в целом — лишь один из факторов, но далеко не единственный и не решающий фактор. Степень его влияния и допустимость этого влияния, в свою очередь, зависит от того, насколько исследуемый объект относится к социальному полю и в каком модусе соотношения происходит эта корреляция. Объекты химии и физики, к примеру, вообще не затрагивают Социальное как вещь, подлежащую познанию; объекты технических наук (в частности, компьютерных наук или исследований социо-технических систем) затрагивают как Социальное, так и область природы вне его, ему противопоставленную; наконец, объекты социальных и гуманитарных наук (в смысле направленности гуманитарного именно на человека) всецело направлены на Социальное. Отдельно от трех областей, в которых объекты полагаются в качестве как-либо материализованных вещей, о статусе существования которых дискуссии не ведутся, ряд областей исследования предполагает контингентный статус самих исследуемых вещей с допущением их виртуальности: нечто, существующее для этих наук, может оказаться не существующим за пределами этих наук в качестве вещей для себя. Таковы, например, предметы ксенобиологии или некоторых областей астрофизики, в которых вещи полагаются как контингентно существующие по аналогии или согласно принципу формальной непротиворечивости, другие — на основании наблюдений в высшей степени косвенных. Последние либо всецело объективны (поскольку наблюдения основываются, в первую очередь, на математике), либо абсолютно фиктивны (если положения, проистекающие из наблюдений и расчетов, как окажется, основывались на ложном онтологическом постулировании предметности объекта, чья предметность по факту кардинальным образом отличается от допускавшейся). Во втором случае наиболее ярким при-

мером могут служить измерения в теории струн, количество которых (и существование) полагается на основании непротиворечивости описывающего их математического аппарата теоретической физики при отсутствии прямых экспериментальных подтверждений.

Не-спекулятивная социальная эпистемология основана на заблуждении, познавательной ошибке, эпистемической асимметрии, проистекающей из «корреляционистского круга»: при утверждении о том, что «в себе» немислимо без порочного круга, в который вовлечен субъект, нарушающий онтологическую замкнутость объекта, объекты вне мышления («бытие») мыслятся вне спекулятивизма как самодостаточные, т.е., постигаемые «в себе и для себя» без соотнесенности с другими объектами. Отсюда — «рукой подать» до абсолютизации социальных факторов в человеческом познании, так как именно последние якобы «делают возможным» «мышление как таковое», равно как и концепцию всякого «в себе вообще», отделенного от сообщества мыслящих субъектов. Спекулятивное решение проблемы наблюдателя берет за основание тезис, согласно которому никакого порочного круга не существует, а однонаправленное отношение «наблюдатель \Rightarrow R \Rightarrow наблюдаемое», из которого мы заключаем о свойствах познавательных отношений в более широком контексте («наблюдатель \Rightarrow R \Rightarrow наблюдаемое» или, согласно постнеклассическому корреляционизму, постулирующему конституирующее значение петли обратной связи в процессе познания, «наблюдатель \Leftrightarrow R \Leftrightarrow наблюдаемое») является одним из видов отношений между объектами, из которого не следует ни привилегированности отношений, ни их качественного превосходства над объектами, неспособными к наблюдению и ненаблюдаемыми объектами. В основании такой интерпретации отношений корреляции как лишенных преимуществ и превосходств лежит, в более широком смысле, мысль касательно общего сопоставления существующего и не-существующего. Согласно ей, существовать для вещи не означает быть качественно лучше («превыше») того, чего не существует. Во-первых, существование не является благом само по себе, но представляет собой нейтральный относительно сущности бытия атрибут до тех пор, пока явным образом не доказано обратное. Таким образом, разница между X и не-X (как «отсутствием X в сущем») лишь в том, что X мы, в силу заключения о его существовании, можем приписать определенный набор предикатов, явно или неявно выявленных, в то время как не-X лишено таких предикатов, обладая предикатом «нет» или «не существует» или «ложное, если утверждается, что X» и т.д.

Во-вторых, никаких преимуществ не следует также и из «раскавыченного» предиката «существования», где «существовать» означает предикат, значащий «иметь свое бытие в сущем», соответственно, «не существовать» значит «не иметь своего бытия в сущем». Для утверждения преимущества первого над вторым, необходимо доказать преимущество сущего над бытием, однако, единственным критерием для сравнения является здесь, пожалуй, критерий полноты. Однако, согласно этому критерию сравнения, сущее всегда принципиально онтологически и онтически полно, а, в силу своей конечности и однозначности, принципиально лишено такой полноты. В то же время, бытие является областью контингентного, то есть абсолютно возможного Всего, того, что является онтологически наиболее полным.

Литература:

1. Мейясу К. После конечности. Эссе о необходимости контингентности. — М.: Кабинетный ученый, 2015. — 196 с.
2. Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания; пер. с англ. А.Л. Никифорова. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. — 413 с.
3. Хайдеггер М. Парменид. — Санкт-Петербург: «ВЛАДИМИР ДАЛЬ», 2009. — 384 с.

Kazakov M.A. Speculative realism paradigm in epistemology – b.

Summary. The paper deals with the consequences of reception of speculative realism of Q. Meillassoux's ontology for fundamental foundations of epistemology, which is built on the basis of this ontological paradigm. Firstly, the changes for realistic epistemology are related to the most "relativistic" anthropic element of it, which is seized by such a subarea as social epistemology. The paper demonstrates changes, which are required for social epistemology in context of speculative realism guidelines that represent the new "conceptual optics" of the phenomena of knowledge, cognition and subject of cognition, comparing them with classical realistic theses.

Keywords: object-oriented ontology, speculative realism, speculative materialism, paradigm, epistemology.

Казаків М.А. Парадигма спекулятивного реалізму в епістемології – Стаття.

Анотація. У статті розглядаються наслідки прийняття онтології спекулятивного реалізму К. Мейясу для фундаментальних засновків епістемології, яка вибудовується на основі цієї онтологічної парадигми. В першу чергу, зміни для реалістичної епістемології торкаються найбільш «релятивної» антропної її складової, яка охоплюється такою підобластю, як соціальна епістемологія. Демонструються зміни, яких вимагає для себе соціальна епістемологія у світлі установок спекулятивного реалізму, який виступає новим відносно старих реалістичних установок засобом «концептуальної оптики» феноменів знання, пізнання та суб'єкта пізнання.

Ключові слова: об'єктно-орієнтована онтологія, спекулятивний реалізм, спекулятивний матеріалізм, парадигма, епістемологія.